

Епископ

Азука посмотрел на него, и в его взгляде внезапно промелькнула необъяснимая нежность.

— Да... у вас всё ещё есть я, — вполголоса произнёс он.

Они стояли посреди беснующейся толпы, но казалось, что само время замедлило бег. Сквозь раскалённые лучи полуденного солнца прорвался внезапный порыв ветра, заставив листву окрестных деревьев отозваться тревожным шелестом.

— Вы можете... использовать меня чуть чаще, — едва слышно добавил юноша.

Профессор Броуди поправил край капюшона и, вскинув голову, окинул спутника коротким взглядом.

— Что ж, господин волшебник, — отозвался он. — Обеспечьте-ка мне «Голос Сонарус».

Разумеется, бывший Спаситель Империи Серебряного Ириса никогда не слышал о шрамоголовом мальчике из другой вселенной и не понимал, кто такие «волшебники» и что за странное заклинание просит Нова. Однако смысл просьбы был ясен без лишних объяснений.

В ту же секунду хаотичный рокот толпы, состоящий из сотен разрозненных проклятий и криков, начал обретать единый ритм. Голоса людей слились в мощный, синхронный поток, превратившись в чёткий, громоподобный лозунг:

— Чего требует Улица Рыбьего Хвоста?!

— Свободный воздух — не преступление! Дышать — не грех!

Звуковая волна, казалось, была способна разогнать облака. От этого рёва задрожали и жалобно зазвенели стёкла в окнах Департамента общественной безопасности. Жители дальних кварталов начали высовываться из окон, с тревогой и любопытством вглядываясь в сторону порта. Что там происходит? Слухи поползли по городу, и самые смельчаки, подхваченные общим порывом, бросали дела и вливались в ряды протестующих. Разъярённая толпа росла с каждой минутой.

Азука с нескрываемым изумлением покосился на черноволосого юношу. Нова плотно сжал губы; его лицо застыло в ледяном безразличии. Глядя на него сейчас, невозможно было поверить, что мгновение назад он выкрикивал те же грубые слова, что и люди вокруг, в точности копируя их манеру речи. Если закрыть глаза, можно было поклясться, что перед

тобой старый рыбак, проживший на этом берегу добрых полвека.

— ...Грязное, никчёмное быдло!

Нит Саман, стоя у окна своего кабинета на третьем этаже, в ярости скрежетал зубами. Этот шум невозможно было игнорировать — даже глухой бы понял, что в городе начался мятеж.

— Магическая световая пушка ещё не доставлена?! — взвизгнул он, срывая злость на подчинённых.

— Докладываю, господин начальник, мы торопим их как можем! Но на транспортировку требуется время...

— Олухи! — Сапожник с силой пнул адъютанта в живот. Не обращая внимания на стоны несчастного, он схватил бинокль и принялся лихорадочно осматривать площадь. Внезапно его лоснящееся от пота лицо исказилось от ужаса.

— Пойдите! Это... это же...

У входа в Департамент общественной безопасности стражникам, преграждающим путь разъярённой толпе, приходилось несладко. Они рады бы открыть огонь, но каждый раз, когда кто-то вскидывал ружьё, он встречал лишь бесстрашные взгляды. Казалось, стоит прозвучать первому выстрелу, и люди, вооружённые чем попало, просто разорвут их на куски. Наконец у одного молодого законника сдали нервы. Он прицелился в гущу толпы, готовясь нажать на спуск, но спусковой крючок словно намертво заклинило.

[Сияние света]

В этот момент над площадью разнёсся элегантный, низкий голос, перекрывший гул толпы. Перед глазами стражника вспыхнуло ослепительно-белое пламя. Ослеплённый, он выронил ружьё и с истошным воплем схватился за лицо.

Жители Улицы Рыбьего Хвоста и стражники мгновенно оказались поглощены огромной сферой нестерпимого света. Послышались крики ужаса и боли. Азука, который только что магией помешал стражнику выстрелить, нахмурился и быстрым движением закрыл ладонью глаза профессора. Сам он, прищурившись, впился взглядом в золотистую фигуру, внезапно появившуюся в конце улицы.

Человек, шедший впереди, был облачён в шёлковую мантию, в которой доминировали золото и белизна. Ткань, украшенная драгоценными камнями, ниспадала тяжёлыми складками, а по подолу тянулась вышивка в виде распускающихся золотых лилий. На наплечниках красовалась эмблема — скрещённые пистолеты. Голову гостя венчала золотая тиара, а в руке он сжимал великолепный скипетр. Его лицо было красиво, а в зелёных глазах читалось снисходительное,

но неоспоримое величие.

Азука мгновенно узнал его. Перед ними стоял один из пяти кардиналов Церкви Сияющего Света — Павадон Миллер. Самый молодой в совете, через несколько лет он станет одним из главных претендентов на папский престол.

За спиной Миллера следовало чуть более десяти человек, в основном священнослужители. Они с явным отвращением взирали на стонущую толпу, которая, едва свет погас, начала рассыпаться в беспорядке. Однако, пока кардинал хранил молчание, никто не смел подать голоса.

Нит Саман едва ли не кубарем скатился по лестнице. Увидев рядом с Его Святейшеством главу своего дома, чьё лицо потемнело от гнева, он чуть не лишился чувств.

— О великий Бог Света! — он выдавил из себя подобострастную ухмылку. — Какая честь! Лорд Миллер, что привело вас в это скромное место...

Договорить он не успел. Баттерфилд Саман сквозь зубы процедил лишь два слова:

— Заткнись, кретин.

— Да пребудет Свет с нами, — Миллер элегантно кивнул, игнорируя лепет Нита. — Что здесь происходит? Мне показалось, я слышал крики... «Свободный воздух — не преступление»?

Нит Саман замялся, по его лбу покатались крупные капли пота. Соврать сейчас про «пиратов» означало бы выставить кардинала дураком, и тогда Маркиз Саман собственноручно содрал бы с него кожу.

— Обычная чернь, подстрекаемая смутьянами, милосердный лорд. Прошу вас, не берите в голову. Семья Саман решит этот вопрос в кратчайшие сроки, — Баттерфилд Саман одарил Нита испепеляющим взглядом и повернулся к рабочим, которые, завидев клириков, в нерешительности замерли. Его брови брезгливо дрогнули. — Как же... глаза мозолят.

Кардинал задумчиво приподнял бровь:

— Смутьянами? Лорд Саман, неужели на ваших землях объявились «Преследующие тень»?

«Преследующие тень» были недавно возникшей повстанческой организацией, чьи ячейки множились в Империи Серебряного Ириса с пугающей скоростью. Они скрывались среди простого люда, нападая на аристократов и духовенство, и славились своей неуловимостью.

Маркиз Саман побледнел:

— Что вы, лорд Миллер! Как в моих владениях может завестись подобная скверна? Просто в честь Праздника Рассвета мы ввели небольшой сбор с торговых гильдий за очистку улиц. Видимо, этих глупцов ввели в заблуждение жадные купцы. Те внушили им, будто налог наложат на сам воздух, вот они и прибежали протестовать. Мы же не безумцы, чтобы облагать налогом воздух, верно?

— Это не так!

Внезапно из толпы донёлся звонкий голос. Молодой рыбак, заметив, что на него смотрят и великий лорд, и сам епископ, заметно оробел, но всё же нашёл в себе силы сделать шаг вперёд:

— Стража приходила к нам на Улицу Рыбьего Хвоста! Сказали, у нас воняет рыбой, и за это воньё мы должны платить огромный налог! Благородные господа, да как же нам не пахнуть рыбой, если мы ею живём?!

— Верно говорит!

— Это уже слишком!

Из толпы донеслись разрозненные возгласы поддержки.

— Брехня! В словах этой падали нет ни капли правды! — Нит Саман, надеясь выслужиться, тут же выступил вперёд. — Ваша Светлость, достопочтенные господа! Всем известно, что в жилах этих людей течёт кровь морских разбойников. Ложь и воровство у них в природе! Как можно доверять их словам?

Доля правды в его словах была: многие рыбаки, не в силах прокормиться честным трудом или просто в силу дурных наклонностей, действительно уходили к пиратам, пользуясь знанием прибрежных вод.

— Я не пират! — лицо молодого рыбака залилось пунцовой краской. — Я честный работяга!

Нит Саман ехидно усмехнулся:

— Честный, говоришь? Ну раз утверждаешь, что стража требовала деньги, предъяви доказательства. Свидетели из твоих друков не в счёт. А может, вы все готовы поклясться перед Богом Морей, что в трёх поколениях ваших семей, среди соседей и знакомых, нет ни одного пирата?

Парень осёкся, лишь беззвучно открывая рот. Сапожник торжествовал. Он одарил наглеца тяжёлым взглядом, запоминая его лицо.

— Как видите, этот человек просто лжёт, а остальные одурачены по собственной глупости. Стража! Схватить его! — подытожил Баттерфилд Саман.

Он вновь склонился перед кардиналом:

— Прошу прощения, Ваша Светлость, за это нелепое зрелище. Позвольте пригласить вас на обед. В Порту Серого Моста подают редчайших глубоководных моллюсков, которых не сыщешь больше нигде в мире...

Его прервал ровный, лишённый эмоций голос.

— Скажите, а я подхожу на роль свидетеля?

— А вы кто такой?!

Миллер с удивлением посмотрел на высокого юношу в поношенном плаще, чье лицо было почти полностью скрыто капюшоном. В этот момент один из свиты Его Святейшества — молодой человек, стоявший с самым почтительным видом — резко вскинул голову, в ужасе уставившись на говорившего.

— ...Кузен?!

— Нова Броуди, сын виконта Эдмонда Броуди. Рад приветствовать вас, о «Свет Беспыльный».

Нова откинул капюшон, открывая бледное, холодное лицо. Его пепельно-серые глаза встретились с изумрудным взглядом кардинала. Несмотря на катастрофическое состояние одежды, юноша держался с таким достоинством и изяществом, что в нём не было ни тени робости перед высокопоставленной особой.

— Броуди... — Миллер на мгновение задумался, а затем с улыбкой обернулся к свите. — Помнится, среди сопровождающих меня студентов тоже есть господин Броуди?

Один из клириков почтительно склонился:

— Именно так, Ваша Светлость. Господин Перси Броуди, лучший ученик второго курса Академии магов Святого Бародо. Он входит в число избранных для сопровождения.

Право «сопровождения» считалось высшей наградой для талантливых студентов, давая им шанс лично общаться с сильными мира сего.

— О, действительно, юное дарование, — Миллер неопределённо кивнул. — Младший господин

Броуди, какое любопытное совпадение, не находите?

Перси Броуди, получив долгожданную возможность заговорить с кардиналом, выглядел так, будто проглотил лимон. Он низко опустил голову, пытаясь скрыть искажившееся лицо:

— Да, Ваша Светлость... Я и помыслить не мог, что встречу здесь своего кузена.

Баттерфилд Саман быстро сообразил, о ком идёт речь. Смакуя фамилию на языке, он с иронией спросил:

— И что же вы, господин Броуди, намерены доказать?

Нова почувствовал, как пальцы стоящего рядом Азуки дрогнули. Нахмурившись, он под прикрытием плаща крепко сжал руку юноши.

«Не горячись», — едва заметно вывел он пальцем на его ладони.

Профессор прекрасно понимал чувства спутника: враг, уничтоживший его народ, стоял прямо перед ними. Хотя этот парень, стоя перед кардиналом и дюжиной аристократов и священников, умудрялся делать их слепыми, как летучие мыши, — так что они в упор не видели живого и яркого человека — это заставило Нову по-новому оценить мощь подобных «маленьких хитростей». Однако вступать в открытый бой сейчас было бы верхом безрассудства.

<http://bllate.org/book/15312/1354377>